

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*

Питер Уоттс. *Эхопраксия*

Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*

Йен Макдональд. *Бразилья*

Адам Робертс. *Стеклянный Джек*

Дэниэл Суарез. *Поток*

Грег Иган. *Город перестановок*

Джеймс Камбиас. *Темное море*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

КРАЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

ДЖЕЙМС КОРИ • БРЮС СТЕРЛИНГ
АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС • ХАННУ РАЙАНИЕМИ
ПЭТ КЭДИГАН и многие другие

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
К78

Серия «Звезды научной фантастики»

Edge of Infinity

Edited by Jonathan Strahan

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Перевод с английского: *Ирина Епифанова, Владислав Заря,
Николай Караев, Юлия Никифорова, Галина Соловьева,
Илья Суханов*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Дмитрия Вишневого*
Дизайн обложки *Марины Акининой*

- © 2012 by Jonathan Strahan.
- © Ирина Епифанова, перевод, 2015
- © Владислав Заря, перевод, 2015
- © Николай Караев, перевод, 2015
- © Юлия Никифорова, перевод, 2015
- © Галина Соловьева, перевод, 2015
- © Илья Суханов, перевод, 2015
- © Дмитрий Вишневский, иллюстрация, 2016
- © ООО «Издательство АСТ», 2017

*Моему коллеге и другу Гарднеру Дозуа
немного настоящей научной фантастики!*

Благодарности

Мне очень понравилось работать над этой книгой, и я хотел бы поблагодарить моего редактора в издательстве «Солярис» Джонатана Оливера, Бена Смита и всю команду «Ребеллион» за их доброту, помощь и внимание за последние годы. Я бы также хотел поблагодарить всех участников этой антологии за то, что разрешили опубликовать их рассказы: Дэниела Абрахама, Джона Барнса, Стивена Бакстера, Элизабет Бир, Пэт Кэ-диган, Стивена Д. Кови, Тая Фрэнка, Гвинет Джонс, Пола Макоули, Сандру Макдональд, Ан Овомойела, Ханну Райаниеми, Аластера Рейнольдса, Кристин Кэтрин Раш и Брюса Стерлинга. Также моя благодарность Питеру Гамильтону и Питеру Уоттсу, которые стали бы частью этой книги, если бы то позволили обстоятельства. Как обычно, я бы хотел поблагодарить моего замечательного агента Говарда Морхайма и его прекрасную новую ассистентку Алису Спилбург.

И, наконец, признательность моей жене Марианне, которая помогала в работе над книгой, и моим дочерям, Джессике и Софии, за их любовь и поддержку.

Введение

Знакомьтесь: четвертое поколение научной фантастики.

Год назад я работал над книгой «Конструируя бесконечность»¹, сборником рассказов, призванным всесторонне рассмотреть вопрос, что собой представляет научная фантастика во втором десятилетии XXI века. Во введении к той книге я употребил термин «четвертое поколение научной фантастики» и высказал мысль, что НФ после появления на свет прошла через период взросления и зрелости и теперь вступила в постдефицитную фазу, характеризующуюся невероятным многообразием и полнотой.

Введя этот термин, я намеревался всего лишь подчеркнуть глубину и разноплановость современной научной фантастики с точки зрения одновременно и читателей, и авторов, а также показать ее широчайший охват и системность, которые выражаются в стиле, темах, антураже и т. д. В общем, все отлично, работа в творческой лаборатории кипит! Однако, когда сборник «Конструируя бесконечность» ушел в печать, и настало время переключиться на другие проекты, до меня вдруг

¹ «Engineering Infinity».

дошло, что термин «четвертое поколение» прекрасно подходит для описания еще одного процесса в жанре.

Научно-фантастическое сообщество — в чем-то нездоровая субкультура. Она слишком одержима собственной гибелью и концом издания научной фантастики. Настолько одержима, что почитает за честь с монотонной регулярностью докладывать, что она умирает, скоро умрет или вообще уже давным-давно скончалась. Я не проверял, но искренне убежден, что мой добрый друг и коллега Гарднер Дозуа констатировал этот факт в предисловии к почти каждой из трех десятков антологий «лучшего за год», составленных им с 1977 года и до настоящего времени. И это не потому, что Гарднер такой уж депрессивный тип, и не потому, что он смакует гибель нашего общего дела. А потому, что научную фантастику, как я недавно осознал, убивает наука.

И это не тенденция последних лет — так было всегда. Каким образом? А таким: каждый день ученые ходят на работу и выдвигают новые гипотезы, публикуют новые материалы и обнаруживают новые факты. Информационный фундамент, на котором писатели-фантасты строят свои произведения, постоянно шатается и изменяется, как, собственно, и должно быть. Это прекрасно и удивительно, и вряд ли хоть один писатель-фантаст на планете отважится на это пожаловаться. Однако этот постоянный шквал фактов — враг романтики, а научно-фантастической литературе для выживания романтика просто необходима.

Возьмем в качестве примера Марс. Американский бизнесмен, астроном и математик Персиваль Лоуэлл, восхитившись рисунками итальянского астронома Джованни Скиапарелли, влюбился в эту планету и

вложил немалую лепту в популяризацию каналов Марса. То видение мира, вполне логичное с точки зрения тогдашней науки, легло в основу романа Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса», где описывается Гелиум — обширные просторы на месте высохших морей, населенные тарками, декорации для приключений землянина Джона Картера, полных сражений и преодоления силы тяготения. К 1964 году такая картина мира устарела, ее смела приливная волна фактов, которые были установлены благодаря межпланетной автоматической станции «Маринер», взявшей пробы марсианского грунта. А к концу 70-х, благодаря «Маринерам», «Викингам» и «Вояджерам», образ Гелиума окончательно пошел прахом, оставив нас с современными представлениями о Марсе как о бесконечной, словно вылинявшей пустыне, которая действительно прикончит кого угодно.

Впрочем, не сказать чтобы научная фантастика не пыталась принять брошенный наукой вызов. Пыталась и делает это до сих пор. В 1980-х бурным потоком хлынули романы (самые выдающиеся принадлежали перу Кима Стенли Робинсона — речь о его жесткой и поучительной «Марсианской трилогии»), где авторы все-таки пытались превратить Марс в место, населенное людьми,— очень опасное, но все же вполне подходящее для романтики и приключений, место, которое может стать будущим домом для человечества. Эту же эстафету подхватили Грег Бир с книгой «Колонизация Марса» и Терри Биссон «Путешествие на Красную планету», а также многие другие писатели.

Как все вышеперечисленное связано с четвертым поколением? Будьте снисходительны, потерпите еще чуть-чуть. Считается, что, когда в 1984 году из печат-

ти вышел «Нейромант» Уильяма Гибсона, случайно совпавший с революцией в представлениях о Марсе, он переключил научную фантастику с технологической и сфокусированной вовне на ориентированную внутрь, всматривающуюся в киберпространство и даже в подсознание. Киберпанк пришел к нам с улиц, и его сосредоточенность на киберпространстве заставила писателей отвернуться от физического мира и от научно-фантастических полетов к звездам — всего несколько десятилетий назад такую ситуацию невозможно было себе представить. Проходили годы, накапливалась информация, путешествия к звездам стали казаться все более трудноосуществимой затеей, даже просто покинуть нашу планету — и то стало выглядеть дерзостью, поэтому научная фантастика переориентировалась на земные темы, которые, впрочем, помогут нам однажды бросить вызов космосу.

И нетрудно понять, почему так сложилось. Прилив оптимизма, связанный с эпохой первого спутника, собаки-космонавта Лайки, Нила Армстронга, «Аполлона-11», «Вояджера», орбитальной космической станции «Скайлэб», и так уже успел выдохнуться, а тут еще в 2003 году потерпел крушение шаттл «Колумбия». Тот момент обозначил для многих из нас конец романтических мечтаний о будущем, крах представлений о том, что мы однажды покинем родную планету и устремимся к далеким мирам. Новые истории все чаще повествовали о человечестве, привязанном к Земле, где все исследование космоса ограничивалось отправкой к другим планетам роботов и автоматических исследовательских станций или переносом человеческого сознания на искусственные носители. Весьма практичное научное будущее.

И при этом научная фантастика не обходится без романтизации науки и воображения, она рассказывает о нашей влюбленности в завтрашний день. С приходом четвертого поколения (вот видите, я все-таки вернулся к этой теме!) появилась новая разновидность сюжетов, в которой нам находилось место если (пока) не на звездах, то хотя бы в нашей родной Солнечной системе. Эти сюжеты были до некоторой степени посвящены моделированию и конструированию. Они повествовали о мощнейших двигателях и маломерных судах, о крошечных колониях и накачанном воздухом пузырях, отправляющихся к Луне, к Марсу, сквозь пояс астероидов, мимо поражающего размерами Юпитера и дальше, в более отдаленные и холодные уголки космоса. Этот сюжет служит фоном в огромном количестве фантастических рассказов, опубликованных за последние лет шесть, и распускается пышным цветом в масштабных романах вроде «Пробуждения Левиафана» Джеймса С. А. Кори и потрясающего «2312» Кима Стенли Робинсона. Это сюжеты, наполненные романтикой, приключениями и любовью к науке и к нашей Солнечной системе. Это истории четвертой эры научной фантастики.

Итак, мы снова вернулись к этой книге. «Край бесконечности», как и свидетельствует из названия, во многом перекликается с антологией «Конструируя бесконечность». Это книга четвертого поколения. В ней собраны истории, действие которых неизменно происходит в индустриальной и колонизированной Солнечной системе во времена, когда полеты к далеким звездам еще только маячат на горизонте, а жизнь существует пока только в самых теплых уголках близ нашей звезды, а также в самых холодных

и удаленных точках нашей собственной планеты. И притом что отдельные истории могут показаться вам более светлыми, а другие более мрачными, все они — признание в любви нашему дому, нашему будущему и научной фантастике. И наверняка не последнее признание.

*Джонатан Стрэн,
Перт, Западная Австралия*

Пэт Кэдиган

РЫБЕХА-ДУРЕХА, ПОДАВШАЯСЯ В СУШИ

На девятой деце своей второй ноль-весомки Рыбе-ха протаранила берг в Главном кольце и сломала ногу. Расщеплением кости дело не ограничилось — дуреха заработала сложный перелом! Йау! Вот делища! К счастью, мы успели обслужить почти все глазки, а это, как по мне, больше сам-дурак-работа, чем труд-работа. Шли последние децы перед ударной встречкой с Оке-ке-Хайтауэр, и кометная лихорадка косила всех подряд.

Наблюдабельных встречек на Большом Ю не было без малого три сотни (грязючных) лет — Шумейкер-Кактотамкер, — но во время оно никто на встречу не глазел, потому что и рядом не летал. Теперь всякие ньюз-каналы, институты и деньгомешки со всех закоулков Солнечной отстегивали Юпитер-Операциям за вид вблизи. Все до единой бригады ЮпОпа работали не покладая конечностей — размещали камеры на камерах и резервкамеры на резервкамерах: оптические, инфракрасные, рентгеновские и всяко-прочие. Рыбе-ха была на седьмом небе, все болтала о том, какая это

круть — увидеть событие своими глазами. Лучше бы дуреха смотрела по сторонам и не перлась куда не надо.

Я сама была в одежке и знала, что костюм Рыбехи сдюжит, но вот незадача — бесперые двуногие, когда повреждаются, склонны к головокружению. Потому я надула пузырь, вместивший нас обеих, зачехлила ей ногу, до отказа накачала дуреху веществами и вызвала «скорую». Желейка с остальной командой уже были на той стороне Большого Ю. Я сообщила им, что мы вне игры и кому-то надо доделать пару-тройку глазков в нашем радиане. Дуреха, как принято у двоеходиков, стиснула челюсти и держалась так, будто мы с ней травим конец смены. В тупик ее ставило, кажись, только О. Рыбеха просекла консенсусную ориентацию быстрее всех двоеходиков, с которыми мне доводилось впахивать, но ориентироваться на веществах — это совсем другое. Я старалась отвлекать дуреху, пересказывая всякие слухи, а когда они кончились, стала гордить чушь.

И тут она вдруг сказала:

— Ну вот, Аркея, время мое пришло.

Звучало это чертовски окончательно, и я решила, что она увольняется. И сдулась, потому что наша дуреха мне нравилась. Я сказала:

— Эх, дорогуша, мы здесь-у-нас будем по тебе скучать.

А она засмеялась:

— Не-не-не, я не ухожу. Я подамся в суши.

Я похлопала ее по плечу, решив, что слышу мусор в ее системе. Рыбеха наша хоть и дуреха, но далеко не простая — она и здесь-у-нас круче многих, и всегда была особенной. В Грязюке она была умницей, выдающимся ученым и королевой красоты. Именно так —

бесперая двуногая гениальная королева красоты. Либо верь, либо в дверь, как говорит Шире-Глюк.

Рыбеха провела с нами три с половиной децы и только тогда проговорила насчет королевы красоты. Наша команда травила конец смены — она, я, Дюбонне, Шире-Глюк, Тетя Шови, Бульбуль, Наживчик, Глынис и Фред — и мы все чуть не потеряли нашу О.

— Вау,— сказал Дюбонне.— А за хмырь во всем хмыре ты выступала?

Я не поняла вопроса, но уловила, что это типа подколка. Трижды шлепнув Дюбонне, я предложила ему уважать чужую культуру.

Но Рыбеха ответила:

— Эй, все-подряд, спрашивайте сколько влезет. Это на деле такая глупость. Чего люди запариваются по такой фигище, я вообще не втыкаю. Мы должны быть прогрессивными и просвещенными, а нам по-прежнему важно, как женщина выглядит в купальнике. Прошу извинить: двуногая женщина,— добавила она, усмехнувшись.— И — нет, хмырь во всем хмыре как-то не по моей части.

— Если ты так к этому относишься,— сказала Тетя Шови, уставясь на Рыбеху серьезными глазищами и переплетя все восемь рук,— зачем тебе это было надо?

— По-другому сюда-к-нам было не выбратся,— ответила Рыбеха.

— По чесноку? — спросил Бульбуль за секунду до того, как я выпалила то же самое.

— По чесноку. У меня в загашнике ценный металл за внешний вид и аттестацию качества продукции плюс полная оплата обучения, мой выбор вуза...

Рыбеха улыбнулась, а я думала, что она ровно так должна была улыбаться, когда ее объявили Королевой